

УДК 81'0
ББК 66

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА XXI СТОЛЕТИЯ

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед

Аннотация. В статье рассмотрен политический дискурс как коммуникативное пространство политики новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы; установлено, что ключевыми характеристиками политического дискурса можно выделить по следующим критериям: по характеру субъекта и адресата, по жанрам устной и письменной речи, по противопоставлению монологической речи, по функциям, по объему информации среди жанров, по цели выражения.

Ключевые слова: «дискурс», «политический дискурс», коммуникативное пространство, политика новейшего времени, антропоцентрическая парадигма.

POLITICAL DISCOURSE AS A MEANS OF REPRESENTING VIRTUAL REALITY POLICY OF THE XXI CENTURY

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed

383

Abstract. The article considers political discourse as a communicative space of modern politics in the context of an anthropocentric paradigm; it has been established that the key characteristics of political discourse can be distinguished as follows: by the nature of the subject and addressee, by the genres of oral and written speech, by the contrast of monologue, by functions, by the amount of information among genres, by the purpose of expression.

Keywords: “discourse”, “political discourse”, communicative space, modern politics, anthropocentric paradigm.

© Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

На современном этапе развития лингвистики прослеживается сдвиг акцентов при изучении языка в сторону человека, его мышления и коммуникативной деятельности. Такая приоритетность антропоцентрического подхода в языке может быть подтверждена, с одной стороны, появлением таких областей лингвистики, как когнитивная, психо-, прагма-, социо- и антропологическая, а с другой стороны, таким интересом, который проявили многие лингвисты к изучению языкового сознания того или иного человека.

Понятие «дискурс» в современной философской мысли привлекает все больше внимания исследователей, представляющих не только лингвистику, но и психологию, социологию, историю, философию и другие научные области. Несмотря на то, что термин «дискурс» существует уже более двух тысяч лет в значении «диалог», в языкознании он начал широко использоваться только в 50-е гг. XX века, когда была издана статья американского лингвиста С. Харриса «Discourse Analysis» (рус. «Анализ дискурса»). Автор назвал так метод анализа связной речи, предназначенной для вывода дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени для соотнесения языка и культуры [1, с. 83]. Классические труды по проблеме исследования дискурса принадлежат Т. ван Дейку [2], М. Фуко [3] и др.

Вступая в процесс коммуникации, человек реализует свои цели, которые, в свою очередь, определяют тип дискурса. Институциональный дискурс реализуется в общественных институтах и обращен как

к индивидуальному, так и к массовому слушателю. Этот вид дискурса возникает между людьми, которые могут быть ему неизвестны, однако которые должны общаться в заданных координатах статусно-ролевых отношений. Этот вид дискурса имеет следующие особенности общения: наличие статусно-ролевых характеристик участников; наличие набора типичных для этой сферы коммуникации ситуаций, целей и условий, ценностей, моделей речевого поведения, тематических репертуаров говорящих [4, с. 25–33].

Теоретической базой институциональной концепции дискурса выступают работы французских ученых М. Фуко и П. Бурдьё. М. Фуко утверждает, «что институциональный дискурс устанавливает процесс коммуникации и порядок мышления, дисциплинирует ум и чувство, идентифицирует и структурирует объекты путем установления нормы и ненормы» [3, с. 125]. П. Бурдьё трактует дискурс «как габитус, который генерирует социальные практики и оценочное восприятие», и рассматривает дискурс как «символический капитал, функционирующий в социальном пространстве» [5, с. 125–166].

Основы теории политического дискурса были выдвинуты Кембриджской и Оксфордской философскими школами, которые обратились к лингвистическому анализу контекста общественного мнения, еще в 50-е гг. XX века. Термин «политический дискурс» распространяется в западной гуманитарной науке в 1960–70-х гг., а в 1980–90 гг. — за рубежом, где значительный вклад в исследование политического дискурса сделали Р. Во-

дак [6], Т. ван Дейк [7, р. 383–410], Т. Кресс [8, р. 178–232], Р. Ходж [9] и др. В данной связи нельзя не отметить публикации Р. Барта, К.В. Никитиной, монографии И.Т. Вепревой, Н.А. Купиной, Э. Лассан, В.Л. Музыканта, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, исследования Е.В. Бакумовой, О.И. Воробьевой, Ю.М. Ивановой, А.Б. Ряпосовой, А.А. Филинского, словари А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, В.И. Максимова и др. Кроме того, проблемам политического дискурса посвящен специализированный журнал «Journal of Language and Politics» и серия книг «Discourse Approaches to Politics», «Society and Culture» под редакцией Р. Водак и П. Чилтона и «Praeger Series in Political Communication» под редакцией Р. Дентона. Некоторые исследователи указывают на необходимость признания за политической лингвистикой статуса самостоятельного раздела лингвистической науки (Д. Белл, Р. Дентон, Р. Ниммо, А.А. Романов, О. Фельдман, П. Чилтон, А.П. Чудинов, Т. Шекелс и др.). При этом отмечается, что «политическая лингвистика пытается объяснить, каким образом люди с помощью речи и коммуникации могут влиять на поведение, ценности и мнения других» [10, р. 12–37].

Истоки этого направления видятся в таких междисциплинарных исследованиях XX в. США, как риторический анализ (*rhetorical analysis*) (А. Кiewe); исследования пропаганды как жанра коммуникации (*propaganda analysis*) (М. Edelman, D.A. Graber, J. Kuklinski, J. Ferejohn, Н. Lasswell, D. Nimmo, J. Combs); исследования изменения в общественном сознании под влиянием политической коммуникации (*attitude*

change studies) (Н. Tajfel, J. Turner); анализ влияния предвыборной агитации на результаты выборов (*voting studies*) (L. Becker, A. Gelman, G. King); взаимодействие правительств и средств массовой информации (*government and the news media*) (R.E. Denton, R. Kick, J.M. Perry); функциональный анализ (*functional analysis*) (W.L. Benoit, W.T. Wells); анализ предвыборных технологий в его связи с языком (*media technologies, campaign techniques*) (S. Ansolabehere, Sh. Iyengar, P. Chilton) и т. д. В 1970–80-х годах к данным направлениям добавились исследования института президентства как коммуникативного феномена (*the presidency*) (R.E. Denton); языковых особенностей опросов общественного мнения (*political polls*) (A. Gelman); дебатов как жанра политической коммуникации (*debates*) (Th.F. Sheckels); политической рекламы (*advertising*) (Sh. Iyengar). Признается, что направление политической лингвистики вполне можно считать сформировавшимся и перспективным (Th.F. Sheckels).

Целью данной статьи является освещение таксономии политического дискурса как коммуникативного пространства политики новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы.

На сегодняшний день антропоцентрический подход является ключевым в когнитивной семантике (Л. Талми, Р. Джекендофф и др.). Такой подход дает возможность не просто объяснить роль и место личности в коммуникативной деятельности, но и продемонстрировать, как человеческие знания структурируются для достижения определенных целей коммуникации.

Среди многочисленных подходов, которые были направлены на определение понятия «дискурс» (например, В.Г. Борботько, А.А. Кибрик, О.Н. Паршин, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал, Дж. Браун и Дж. Юль), актуальным является такой подход, который определяет *дискурс* как «коммуникативное событие». Такое понимание дается в работах Т.А. ван Дейка и его школы. Дискурс при этом «не ограничивается рамками конкретного высказывания, то есть рамками текста [...], а включает в себя говорящего, адресата, их личностные и социальные характеристики, а также другие параметры социальной ситуации» [2, с. 122]. Таким образом, автор определяет дискурс не просто как вербальный объект, но и как форму социального взаимодействия. При таком подходе речевые произведения рассматриваются во всей полноте своего выражения (вербального и невербального) с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия. В этой связи Н.Д. Арутюнова метафорически определила дискурс как речь, «погруженную в жизнь» [11, с. 136–137]. Данный подход обобщает точки зрения таких ученых, как А.Е. Кибрик, Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Х.Г. Виддоусон, Й. Остман, а также коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира.

Лингвисты-когнитологи говорят об особом «ментальном мире», создаваемом в дискурсе, и предлагают называть дискурсом такой объект ис-

следования, который отражает мир, созданный субъектом [12, с. 38].

Основное внимание многих исследователей сориентировано на политической лингвистике, ключевым термином которой остается *политический дискурс* (далее — ПД) как конкретная реализация политической коммуникации (далее — ПК). Однако вопрос дефиниции политического дискурса и его корреляция со смежными понятиями принадлежат к числу дискуссионных в современной языковедческой науке.

ПД прежде всего исследуют в рамках ПК. Е.И. Шейгал предлагает широкое понимание ПК, которая охватывает «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [12, с. 205–214], при этом исследователь настаивает на синонимическом употреблении терминов «политический дискурс» и «политическая коммуникация».

Существует много определений «политического дискурса», которые предоставлялись многими исследователями. Например, А.Н. Баранов понимает ПД как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [13, с. 112]. Д. Джонсон и Р. Джонсон считают, что «ПД является методом принятия политических решений» [14, р. 65]. По мнению П. Бурдые, ПД — это «в узком смысле политическое поле, охватывающее сферы политических партий, институтов политической власти и очень тесно связан с темой языка и власти» [5, с. 125–166]. В.И. Карасик выделяет следующие виды институциональ-

ного дискурса: административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, массово-информационный и политический [4, с. 27]. Ряд исследователей (Д. Грейбер, Д. Белл, Р. Дентон, Р. Ниммо, О. Фельдман, П. Чилтон, О. Эдельман и др.) вообще полагают, что политическая деятельность сводится к деятельности языковой. В частности, О. Фельдман отмечает, что «политика — это дискурс, а дискурс — это политика» [15, р. 4–31]. Более того, в политической сфере слово приравнивается к действию («rhetoric equals action») [16, р. 79].

Политический дискурс всегда связан с вопросом власти различных уровней. Бесспорным остается тот факт, что через политический дискурс происходит манипулирование сознанием больших групп людей. Речь политика всегда обращена к потенциальным избирателям, даже если ее тема не входит в перечень предвыборных. Американский политический дискурс не является исключением и, в первую очередь, нацелен на манипулирование нацией. Это происходит из-за языковой манипуляции, которая представляет собой целостный речевой акт, направленный на массового адресата с целью завоевания и удержания власти. Поэтому политический дискурс как вид институционального имеет манипулятивный характер. Основной целью этого вида дискурса является навязывание определенного мнения широким кругам избирателей с последующим расчетом завоевать их голоса во время избирательной кампании.

А.П. Чудинов предлагает таксономию ПК.

1. По характеру субъекта (автора, говорящего): собственно политическая коммуникация (автор — политик); медийная политическая коммуникация (автор — журналист); непрофессиональная политическая коммуникация (автор — человек другой профессии, представитель народа).

2. По характеру адресата: адресат — политик или политический субъект (государство, партия и т.п.); адресат, который не относится к институциональным политическим субъектам (читатель, зритель, избиратель).

Также важно противопоставление индивидуального и массового адресатов, а также определенного и неопределенного адресатов, так как возможны случаи отсутствия совпадений между указанным и реальным адресатами политического текста.

3. По жанрам устной и письменной речи: жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, дебаты, интервью и т.п.); жанры письменной речи (программа, открытка, газетная статья, письмо политическому лидеру и т. д.).

4. Противопоставлением монологической речи: монологические жанры (радиообращение, статья в газете и т. п.); диалогические жанры (дискуссия, пресс-конференция, дебаты и т. д.);

5. По функциям: ритуальные жанры (речь инаугурации, приветственное слово и т. п.); ориентационные жанры (доклады, приказы, приглашения); агональные жанры (лозунги, листовки, выступление на митинге); информативные жанры (газетные сообщения, обращения граждан к политикам).

6. По объему информации среди жанров: малые жанры (лозунг, слоган); средние жанры (выступление на митинге, открытка, статья); большие жанры (политическая программа, доклад, политическая публицистика и т. д.).

7. По цели выражения: информативные, оценочные, императивные [17, с. 55–61].

Как видно из этой таксономии, здесь имеются определенные логические противоречия, а некоторые позиции находятся одновременно в нескольких группах, однако предложенные критерии распределения являются такими, которые соответствуют ПК. По нашему мнению, проблема разработки таксономии ПК заключается в определении ее объема и дефинирования, поскольку объем этого понятия ограничен различными критериями — тематическими, жанровыми, временными и т.п. Если согласится с позицией Е.И. Шейгал, который предлагает широкое толкования ПК, можем предположить, что основным критерием ПК является интенционный — борьба за власть [12, с. 24].

А. Д. Кривоносов определяет ПД как проявление ПК: «Политический дискурс — это конкретное проявление политической коммуникации, которая предполагает актуализацию политического текста в коммуникативном акте взаимодействия политического субъекта (политика, политической силы, власти) и политического объекта (аудитории, электората, избирателя)» [18, с. 12]. Толкования ПД как институциональной разновидности дискурсивной деятельности человека является актуальным для работ многих ученых

(В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Н.В. Пименова, К.С. Серажим, Е.И. Шейгал и др.). Так, Л.С. Павлюк утверждает, что основанием для выделения типов дискурса, в том числе политического, является «обычная тематическая ориентация, указание на круг жизненных явлений и связанных с ними мотивов» [19, с. 22–129]. С выделением ПД соглашаются все лингвисты, поскольку этот таксон представлен в таксономиях, которые основаны на социальных, коммуникативных, тематических и функциональных признаках, однако основные черты и характерные признаки ПД варьируются в зависимости от научной концепции.

В этом контексте обращает на себя внимание еще один термин — *виртуальная реальность политика XXI столетия*, под которым понимается политическое пространство в политической коммуникации, где актуализируются политический текст конкретного политического субъекта, т.е. политика, с целью влияния на политический объект.

Главной задачей современных лингвополитических исследований является ответ на вопрос, каким образом, при помощи каких языковых средств политикам удается осуществить успешную социально-ориентированную коммуникацию. Важным является и изучение стратегий манипуляции аудиторией, а также всех факторов, приводящих аудиторию к «политически правильным» действиям и оценкам. Не случайно такой интерес вызывает лингвистические исследования политического дискурса как в России, так и за рубежом.

Таким образом, сфера политики является настолько значимой для

современного общества, что она стала объектом исследования многих научных школ и направлений не только в области общественных наук, но и в области лингвистики, где особую значимость приобрели исследования политического дискурса.

Е.И. Шейгал считает, что все элементы «поля политики так или иначе опосредованные стилем, отражены в дискурсе, реализуемые через дискурс: они либо являются предметом общения (его референционным аспектом), либо выступают как элементы прагматического контекста, в том числе и прагматических пресупозиций» [12, с. 24]. А.Д. Кривонос считает, что ПД является конкретной формой реализации ПК, в рамках которой следует рассматривать «все лингвальные и экстралингвистические факторы» [18, с. 11], среди которых политические тексты, интенции, субъективные установки автора и реципиента и т.п. А. П. Чудинов считает, что ПД «может быть определен как совокупность всех речевых актов, а также правил публичной политики, которые оформились в соответствии с существующими традициями и получили проверку опытом» [20, с. 67]. Итак, из предложенных определений можно сделать вывод о том, что при определении ПД определяющим критерием является лингвопрагматический, учитывающий интенциональность, специфику речевых актов и речевые жанры ПК.

По нашему мнению, целесообразно рассматривать ПД в пределах ПК, поэтому снова следует согласиться с Е.И. Шейгал, который отмечает, что главным критерием для определения ПК является ее содер-

жание и цель. При этом цель ПК определена как «борьба за власть». А содержание ПК так или иначе связано с публичным обсуждением трех проблем: распределение общественных ресурсов; контроль за принятием решений / право принимать решения; применение санкций [12, с. 24]. Несмотря на это, логичной является мысль А.П. Чудинова, который утверждает, что вопрос об объеме понятия «политическая коммуникация» принадлежит к числу дискуссионных, но также склоняется к широкой трактовке понятия как коммуникации, которая «посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают как авторы политического текста или его адресаты» [20, с. 55].

И хотя отождествление ПК с борьбой за власть выглядит односторонним, поскольку не все жанровые проявления ПК является агональными и конфликтными, все они ориентированы на получение политической победы или превосходства над оппонентами. Даже неконфликтное, конструктивное общение в политической сфере имеет целью только кооперативное взаимодействие, например, ориентированное на самопрезентацию политического имиджа и т. д.

Дискуссионным вопросом в политической лингвистике остается и таксономия ПД А.П. Чудинова, поэтому обратимся еще к таксономии, которую предлагает А.Д. Кривонос в зависимости от различных факторов.

1. По форме — устные и письменные, к устным принадлежат монологические (речи политиков, обращение к народу, официальные заявления) и диалогические (интервью,

пресс-конференция, дебаты), а к письменным — обнародованные через СМИ или лично адресованные.

2. По фактору говорящего — адресантно прямые и косвенные формы ПД: прямые произносятся или излагаются от имени конкретного политика, а опосредованные имеют скрытое авторство. Спецификой ритуальных жанров ПД по этому показателю является то, что, с одной стороны, все тексты произносятся от имени конкретного политика, однако, с другой стороны — эти политики не являются авторами произнесенных текстов, за них это делает пресс-служба.

3. По фактору адресата — лично адресованные (прямая почтовая переписка) и массово адресованные (все телевизионные сообщения).

4. По цели выделены информативные, побудительные, имиджевые, мотивационные и экспрессивные.

5. По сфере функционирования — телевизионный, газетно-журнальный, радио, рекламный или PR дискурсы [21, с. 23–24].

Е.И. Шейгал считает характерной чертой ПД его способность пересекаться с другими типами дискурсов: юридическим, научным, масс-медийным, педагогическим и т.п. [12, с. 24–32].

Способность ПД пересекаться с другими типами дискурса, с одной стороны, составляет его характерную черту, а с другой — усложняет выделение текстов ПД среди других жанровых разновидностей.

Рассматривая фактор адресатности любого таксона из представленных выше политических дискурсов, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «дискурс адресатен как тогда, когда

он имеет место в бытовом общении [...], так и тогда, когда он осуществляется в совсем ином режиме — при обращении одного оратора к коллективу (с четкими или же, напротив, весьма размытыми границами его физического существования) и т.п.». С данным утверждением трудно не согласиться.

Например, важным аспектом дебатов как таксона политического дискурса является тот факт, что, хотя на поверхности представляется, что кандидаты ведут диалог между собой, структура этого «диалога» значительно более сложная. На самом деле кандидаты обращаются к своей многомиллионной аудитории — зрителям, их избирателям, т.е. дебаты представляют собой образец социально-ориентированного (а не индивидуально-ориентированного) общения (термины А.А. Леонтьева). «В этом случае, — пишет он, — задача состоит в воздействии не на отдельную личность, а на аудиторию в целом, [...] существенно то, чтобы изменилась степень их информированности, социальные ценности и т.д. всей аудитории или большей ее части» [там же]. Хотя получатель информации в таком типе общения действительно не может повлиять на адресанта в момент речи: перебить, задать вопрос, перевести разговор на другую тему и т.п., мы не считаем, что такая коммуникация является однонаправленной. Напротив, фактор аудитории играет самую важную роль, причем вполне активную; так как выступления кандидатов направлены на активизацию у слушателей механизмов групповой принадлежности и потому строятся с учетом когнитивных особенностей

целевой аудитории. Мнения, интересы, ожидания электората в значительной степени определяют то, что и как говорят кандидаты. Политический дискурс всегда ориентирован на слушающего. Слушатель, индивидуальный или коллективный, является активным участником коммуникации, ведь во время каждого публичного выступления политик в очередной раз «продает», рекламирует себя. От коллективного адресата зависит, будет он все еще «политиком» после ближайших выборов или перейдет в разряд «аудитории». В этом случае закономерно, что говорящий непременно стремится учитывать предполагаемые реакции аудитории, чтобы быть понятым именно так, как задумывалось.

Особенностью фактора целеполагания в политическом дискурсе является тот факт, что цели участников, например, дебатов, абсолютно тождественны — добиться власти посредством демонстрации себя «своим» максимально большей части электората и, одновременно, представить своего оппонента «чужим» по отношению к нации. Несмотря на тождественность целей участников дебатов, предполагается достижение противоположных результатов, так как победа на выборах одного сопровождается поражением другого.

Фактор интенциональности связан с намерениями участников дебатов выбрать наиболее эффективные стратегии для достижения своих целей.

В качестве примера приведем текст политика XXI столетия — В.В. Путина, который выступил на пленарном заседании Международного спортивного форума «Россия — спортивная держава»:

Мы искренне рады приветствовать в России лидеров мирового спортивного сообщества, руководителей международных спортивных организаций и выдающихся спортсменов, всех наших коллег, партнеров, которые так же, как и мы, заинтересованы в успешном, уверенном развитии спорта, в сохранении его гуманистического потенциала и базовых принципов доступности, равенства, честной и чистой борьбы.

Дальнейшее продвижение великих, объединяющих мир спортивных ценностей — одна из ключевых задач нашей большой многонациональной спортивной семьи. И решать ее надо сообща, опираясь на проверенные временем нормы и правила, уважая и слыша друг друга, выстраивая конструктивный, доброжелательный диалог [22].

Приведенный отрывок текста В.В. Путина — это наглядный пример виртуальной реальности политика XXI столетия, которую он пытается реализовать с помощью информационной функции, поскольку она, в первую очередь, является средством передачи информации политического содержания. С информационной тесно связана коммуникативная функция, которая заключается в том, что с помощью политического языка, налаживается общение, взаимодействие между субъектами политики, в частности — между властью и гражданами. Важной остается и функция формирования политического сознания. С помощью политического языка происходит отражение политической действительности, при ее посредничестве формируются политические ценности, идеалы, нормы, правила

политического поведения, представления о политических институтах, об отношениях между властью и гражданами и тому подобное.

Таким образом, большинство подходов ученых сводится к тому, что если понятие дискурс — это «коммуникативное событие», то политические дискурсы — это совокупность всех речевых актов, используемых в политических коммуникативных событиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом (по А.Н. Баранову); политическое поле, охватывающее сферы политических партий, институтов политической власти, и очень тесно связанное с темой языка и власти (за П. Бурдые). Принятая в современной политической лингвистике таксономия политического дискурса предполагает рассмотрение его типов (юридический, научный, масс-медийный, педагогический, рекламный, религиозный, бытовой, художественный, военный) сквозь призму политической комму-

никации, которую принято рассматривать по таким характеристикам: 1) по характеру субъекта (автора, говорящего); 2) по характеру адресата; 3) по жанрам устной и письменной речи; 4) противопоставлением монологической речи; 5) по функциям; 6) по объему информации среди жанров; 7) по цели выражения. Кроме этого, антропоцентрическая парадигма нацелила коммуникацию политика на реализацию следующих важных факторов: фактор адресатности, диалог между собой, фактор аудитории, фактор целеполагания, фактор интенциональности.

В перспективе динамика лексики политика, отображенная в политическом дискурсе, бесспорно, даст новый мощный толчок для теоретического изучения его строения и закономерностей функционирования, что представляется продуктивной ветвью дальнейшего исследования индивидуальных лексических единиц языка политики в период предвыборной кампании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация; пер. с англ. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
4. Карасик, В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.
5. Бурдые, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: сборник статей. СПб, 1999. С. 125–166.
6. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика и Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
7. Dijk, T. A. van. On Macrostructures, Mental Models, and Other Inventions: A Brief Personal History of the Kintschvan Dijk Theory // Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. L.: Hillsdale, 1995. P. 383–410.
8. Kress, G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis / ed. G. Smitherman-Donaldson. L.: Routledge, 1985. P. 178–232.

9. *Hodge, R., Kress G.* Social Semiotics. London: Polity Press, 1988. 296 p.
10. *Bell, D. V. J.* Negotiation in the workplace: the view from a political linguist // *The discourse of negotiation: studies of language in the work place* / ed. A. Firth, 1995. P. 12–37.
11. *Арутюнова, Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
12. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2004.
13. *Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
14. *Johnson, D.W., Johnson R.* Civil Political Discourse in a Democracy: The Contribution Of Psychology. New York: The Macmillan Company, 1987.
15. *Feldman, O.* An Introduction // *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere.* Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer, eds. Westport, CT: Praeger, 1998. P. 4–31.
16. *Kiewe, A.* The Crisis Instrument in American Political Discourse // *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere.* Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer, eds. Westport, CT: Praeger, 1998.
17. *Чудинов А.П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // *Политическая лингвистика: сб. научн. трудов; ред. А.П. Чудинов.* Екатеринбург, 2012. Вып. 2 (40). С. 55–61.
18. *Кривоносов, А.Д.* РЯ-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
19. *Остин, Дж.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике.* М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 22–129.
20. Современная политическая коммуникации: учебн. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009.
21. *Леонтьев, А.А.* Язык и разум человека. М.: Политиздат, 1965.
22. Форум «Россия — спортивная держава» // *События.* URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/61768> (дата обращения: 16.06.2019).

REFERENCES

393

1. Arutjunova N.D. Diskurs, *Lingvisticeskij enciklopediceskij slovar.* Moscow, Sov. enciklopedija, 1990. pp. 136–137. (in Russian)
2. Austin J. “Slovo kak dejstvie”, in: *Novoe v zarubeznoj lingvistike.* Moscow, Progress, 1986. Vyp. XVII, pp. 22–129. (in Russian)
3. Baranov A.N., Karaulov, Ju.N. *Russkaja politiceskaja metafora. Materialy k slovarju.* Moscow, Institut russkogo jazyka AN SSSR, 1991. (in Russian)
4. Bell D.V.J. “Negotiation in the workplace: the view from a political linguist”, in: *The discourse of negotiation: studies of language in the work place*, ed. A. Firth, 1995.
5. Bourdieu P. Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja, *Poetika i politika: sbornik statej.* Saint-Petersberg, 1999, pp. 125–166. (in Russian)
6. Chudinov A.P. “Diskursivnye harakteristiki politiceskoj kommunikacii”, in: *Politiceskaja lingvistika: sb. nauchn. trudov; red. A.P. Cudinov,* Ekaterinburg, 2012, Vip. 2 (40), pp. 55–61. (in Russian)
7. Dijk T.A. van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija*, per. s angl. V.I. Gerasimova. Moscow, Progress, 1989, 312 p. (in Russian)

8. Dijk T.A. van. On Macrostructures, Mental Models, and Other Inventions: A Brief Personal History of the Kintschvan Dijk Theory, *Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch*, Leningrad, Hillsdale, 1995, pp. 383–410.
9. Feldman O. An Introduction, *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer*, eds. Westport, CT, Praeger, 1998, pp. 4–31.
10. Forum «Rossija — sportivnaja derzava», *Sobytija*, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/61768> (accessed: 16.06.2019). (in Russian)
11. Foucault M. *Slova i vesi. Arheologija gumanitarnyh nauk*. Moscow, Progress, 1977, 488 p. (in Russian)
12. Hodge R., Kress, G. *Social Semiotics*. London, Polity Press, 1988, 296 p.
13. Johnson D.W., Johnson R. *Civil Political Discourse in a Democracy: The Contribution Of Psychology*. New York, The Macmillan Company, 1987.
14. Karasik V.I. Struktura institucionalnogo diskursa, *Problemy recevoj kommunikacii*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000, pp. 25–33. (in Russian)
15. Kiewe A. “The Crisis Instrument in American Political Discourse”, in: *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer*, eds. Westport, CT: Praeger, 1998.
16. Kress G. “Ideological Structures in Discourse”, in: *Handbook of Discourse Analysis*, ed. G. Smitherman-Donaldson. Leningrad, Routledge, 1985, pp. 178–232.
17. Krivososov A.D. *Rja-tekst v sisteme publicnyh kommunikacij*. Saint-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. (in Russian)
18. Leontev A. A. *Jazyk i razum celoveka*, Moscow, Politizdat, 1965. (in Russian)
19. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa*, Moscow, Gnozis, 2003. (in Russian)
20. Shejgal E.I. *Semiotika politiceskogo diskursa: monografija*. Volgograd, Peremena, 2004. (in Russian)
21. *Sovremennaja politiceskaja kommunikacii: ucebn. posobie*, otv. red. A.P. Cudinov. Ekaterinburg, Izd-vo Uralskogo un-ta, 2009. (in Russian)
22. Wodak R. *Jazyk. Diskurs. Politika*; per. s angl. i nem. V.I. Karasika i N.N. Trosinoj. Volgograd, Peremena, 1997. 139 p. (in Russian)

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед (Ирак), магистр филологических наук, Багдадский университет, albarazanchi74@mail.ru

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed, Master of Philology, Baghdad University, albarazanchi74@mail.ru